

На сайт (в методическую копилку кафедры ГИХЭД) Согласовано:

И.В Шефер

И. Г. Вертилецкая

***Методические материалы к изучению родной (русской) литературы на уроках
литературы и во внеурочной деятельности учащихся
Знакомство с книгой Ларисы Фёдоровны Фёдоровой
«ЧАС ТВОИХ ВОЗВРАЩЕНИЙ»***

Постижение национальной культуры своего народа, изучение литературы родного края, творчества писателей и поэтов малой Родины имеет немаловажное значение в развитии духовно-нравственного мира школьника, его национального самосознания, общероссийского гражданского сознания.

В настоящее время в Кемеровском областном отделении Союза писателей России состоит около 80 писателей разных поколений, что отражает общую картину современного русского литературного процесса и формирует литературную картину Кузбасса:

1. Шестидесятники: классики – В. Федоров, В. Мазаев, В. Баянов, З. Чигарева, В. Ворошилов, В. Махалов, М. Небогатов, И. Киселев остаются в рамках литературного процесса;
2. 1970-80-е: С. Донбай, Л. Гержидович, В. Зубарев, Л. Никонова, А. Ибрагимов, Н. Колмагоров, Б. Бурмистров, Г. Юров, А. Ябров, В. Креков, А. Катков, В. Козлов и др.
3. 1990-е: Ю. Лавряшина, А. Правда и др.
4. 2000-е: Д. Мурзин, Н. Мурзина, А. Гамзов, А. Иванов, А. Рыжова, М. Брюзгина, А. Дронова, Л.Ф. Федорова и др.

В историю русской поэзии **Василий Фёдоров** вошёл как автор философской, любовной лирики. Его перу принадлежат чудесные стихотворения, посвящённые родному краю, любимому селу Марьевка Яйского района Кемеровской области, в котором прошло детство нашего земляка и который, будучи уже известным поэтом, черпал удивительную творческую силу от красоты любимых просторов родного сибирского села. В деревне Марьевка открыт литературно мемориальный музей Василия Дмитриевича Фёдорова.

Основной фонд музея состоит из личных вещей и книг. Ежегодно с 1985 года проводятся литературные праздники, посвященные поэту — «Фёдоровские чтения». Решением губернатора Кемеровской области утверждены литературные премии имени В. Д. Фёдорова. Их лауреатами стали известные сибирские поэты — В. М. Баянов, В. В. Махалов, Б. В. Бурмистров, Л. М. Гержидович, Сергей Донбай. В его честь, названа библиотека в Кемерово- Кемеровская областная библиотека имени В. Д. Фёдорова. Однако мало кто знает о литературном творчестве Ларисы Фёдоровны Федоровой, жене поэта Василия Федорова.

Предлагаем познакомиться с материалами занятия внеурочной деятельности учащихся по теме: «Знакомство с книгой «ЧАС ТВОИХ ВОЗВРАЩЕНИЙ» Ларисы Фёдоровой». Занятие составлено Брюхановой Натальей Николаевной, учителем русского языка и литературы МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №1», пгт. Ижморский, базовой площадки КРИПКиПРО по организации ВУД обучающихся в условиях реализации ФГОС ООО.

*С уважением Вертилецкая И. Г. заведующая КГиХЭД
КРИПКиПРО, канд. пед. наук, доцент*

*Час Твоих возвращений
Не изменен! –
Ритмов моих учащенье
Прерванный сон.*

*Льдом тоска заковала,
В панцирь взяла,
Долго в тот вечер рыдала,
Гостя ночного звала.*

*Бурю не я ли накликала?
Даже дубы наповал!
Ты сухопутным викингом
В доме своём побывал.*

*Ветром распахнута рама,
Знаю – пришёл и взглянул! –
Нет, не взглянул – грянул! –
И твой портрет на полу...*

*Колос литой, марьевский,
Из вазы...Ну как же он смог?!
Будто печаль нотариуса:
«Здесь я, твой колосок!»*

*Знаю: зовёт тебя поле!
Знаю: зовёт река!
Милый мой, будь спокоен,
Выполню твою волю,
Я ведь живая пока...*

Лариса ФЁДОРОВА

Занятие внеурочной деятельности учащихся

Знакомство с книгой Ларисы Фёдоровой «ЧАС ТВОИХ ВОЗВРАЩЕНИЙ»

Составитель:

Брюханова Наталья Николаевна,
учитель русского языка и литературы
МБОУ «Средняя общеобразовательная
школа №1», пгт. Ижморский, базовой
площадки КРИПКиПРО по организации
ВУД обучающихся в условиях реализации
ФГОС ООО

Страницы (план занятия):

Первая – «Знакомство»

Вторая – «Свадьба»

Третья – «Знакомство с семьёй»

Четвёртая – «Первое посещение Марьевки»

Пятая – «Московская жизнь после окончания Литературного института»

Шестая – «Дом на Назаркиной горе»

Седьмая – «Исполать тебе, Марьевка!»

Восьмая – «Ты – это всё, что имею...»

Учитель:

Да, эта женщина выполнила волю своего супруга в полной мере. Я говорю о Ларисе Фёдоровне Фёдоровой, жене нашего великого земляка, известного поэта Василия Дмитриевича Фёдорова.

В историю русской поэзии Василий Фёдоров вошёл как автор философской, любовной лирики. Его перу принадлежат чудесные стихотворения, посвящённые родному краю, любимому селу Марьевка Яйского района, в котором прошло детство нашего земляка и который, будучи уже известным

поэтом, черпал удивительную творческую силу от красоты любимых просторов родного сибирского села.

Сегодня у нас не простой урок. Сегодня мы говорим об удивительных отношениях между двумя творческими людьми, супругами: Василием Дмитриевичем и Ларисой Фёдоровной Фёдоровыми. Он и Она...

Мало кто знает, что на своём литературном поприще Лариса Фёдоровна написала девять книг («Ветер в лицо», «Анатольевна и сын», «Катя Уржумова», «Из чужого гнезда», «На том стою», «Виноватых прощаю»,

«Золотая нитка», «Не лги себе», «Во днях Марии», и два поэтических сборника: «Ветка шиповника» (1977 г.) и «Танец стрижей» (1985 г.)).

Николай Поддубный, друг семьи Фёдоровых, метко сказал:

«Говорим о Василии Фёдорове, но за каждым словом воспоминания о нём – незримое присутствие Ларисы Фёдоровны. Его судьба, его жизнь и его творчество неотделимы от судьбы самого близкого для поэта человека, – жены, Большого друга и сподвижника – Ларисы Фёдоровны Фёдоровой. Мягкостью характера, способностью ладить с людьми, тонко чувствовать и понимать душевное состояние лирика-поэта она создавала Василию Фёдорову особый микроклимат, творческую атмосферу».

Наша встреча посвящена презентации книги **Ларисы Фёдоровой «Час твоих возвращений»**. Это «любовная исповедь в стихах» к близкому человеку – супругу, поэту и прозаiku. В книге автора собраны воедино все стихи-посвящения любимому человеку, её воспоминания о жизни в селе Марьевка.

Я сейчас хотела бы обратиться к составителю этой книги Александру Кочеткову, чтобы он поделился с нами идеей создания этой книги.

(Слово А. Кочеткову).

Ребята, сейчас весь урок будет звучать голос Ларисы Фёдоровны Фёдоровой из её памятной статьи «Назаркина гора». Мы практически из первых уст узнаем историю зарождения этой удивительной любви. Любви на века...

Страница первая: «Знакомство»

Девушка:

Название «Назаркина гора» не сразу появилось в нашей совместной жизни. Сначала – то есть с 1947 года, когда я встретила Василия Федорова в Литературном институте имени Горького и даже оказалась с ним на одной

парте, - сначала я услышала от него слово «Марьевка». Я спросила, откуда он у нас тут появился (то есть сразу на второй курс), и он ответил: «Я – из Марьевки». Я засмеялась, не поверив. Он улыбнулся тоже. «Ну, не сразу из Марьевки...Но мой путь в литературу именно оттуда. Первые мои стихи я слагал на марьевских лугах, возле речки Яя».

Юноша:

Стихотворение Василия Фёдорова «Сосна» (1944).

(малоизвестное раннее стихотворение поэта, написанное им в годы Великой Отечественной войны, впервые опубликовано в сборнике «Родина»)

И всё-таки пришла весна,
И вновь надеждой опьяняла.
Но одинокая сосна
В глубоком трауре стояла.

На косогоре у реки
В минуту скорбного порыва
Две ветви, словно две руки,
Она раскинула с обрыва.

Просила ли кого прийти?
Таила ли какое слово?
На нашем боевом пути
Мы много видели такого.

И вдруг – откуда, не понять:
Живая ветвь с зелёной чёлкой
Над пеплом силилась поднять
Свои несмелые ручонки.

И вспомнив про другие, те,
Что молчаливо просят хлеба,
Пошли мы за своих детей
Туда, где полыхало небо.

Девушка:

Наш курс был первым послевоенным. За партой сидели лейтенант Ольга Кожухова, лейтенант Константин Левин, партизан Максим Джежора, армеец Георгий Друцкой, Игорь Кобзев – из железнодорожных войск.

Если не считать Расула Гамзатова, то Василий Фёдоров был единственным на курсе, имеющим свою книгу. Но об этом я узнала позднее – тогда, когда началась наша любовь. Василий был более чем скромн. У нас на курсе все наперебой читали друг перед другом свои стихи, но он не читал. Он слушал других и улыбался. Хотя и приехал он по направлению Новосибирского отделения писателей, но долго ещё оставался марьевским – застенчивым и ...гордым. Жил Василий, как и все приезжие студенты, в общежитском подвале, который сами поэты за окраску стен прозвали «голубым». Некоторым студентам нашего курса, таким как Максим Толмачёв (ныне лектор общества «Знание»), родные, жившие в деревнях, присылали то сала, то меду...

– А что же тебе, Вася, твоя Марьевка ничего не присылает? – спрашивали иногда «соподвальники» поэта. – Пишешь поэму «Марьевская летопись», а сало где? И опять он или отшучивался, или вздыхал. Не о сале, конечно, о самой Марьевке. Сала он по болезни желудка никогда не ел.

Юноша:

Стихотворение «Прощай, село!» (конец 1930-х, опубликовано в 1944).

Прощай, село!
Я сын твоих полей.
Мне мил простор твоих зелёных пашен.
В прощальный час торжественно налей
Свой дикий хмель в приподнятую чашу.

В твоих чертах
Суровый признак есть.
И пусть я рос, по-детски мало нежась, –
В моей груди всё время будет цвести
Твоих лесов невянущая свежесть.

Мою страну
Не обойти в года.
Есть много мест,
Прославленных другими,
Но никому я счастья не отдам
Нести твоё немеркнувшее имя.

Промчится время – много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:

– Откуда он? –
И скажут им в ответ:
– Он – марьевский
И поступью, и родом.

Девушка:

Поэму о Марьевке, действительно, писал. Как стенографистка, я имела дома машинку, и однажды он попросил меня её перепечатать. Мне она показалась не то чтобы грубоватой, а как бы не в его ключе, не фёдоровской... А мне он говорил: *«Понимаешь, я её обещал самой Марьевке. Был как-то на лугах и поклялся перед рекою. А если дал клятву на Марьевской земле, как же я могу её не выполнить?!»*

Юноша:

Отрывок из поэмы Василия Фёдорова «Марьевская летопись».

А ветер, вея, льнул к лицу,
Шептал тихонько: «Насовсем ли?»
Допрашивал, взметнув пыльцу:
«Не позабыл ли нашу землю?»

Обидно было, что нельзя
Налюбоваться вдоволь ею.
Хотелось показать друзьям,
Где я живу и чем владею.

И огорчало лишь одно:
Пять лет назад вон там бескрайно
Синело озеро...
Оно,
Невозмутимое, как тайна,
Теперь травой заросло,
Осокой заросло зелёной.

И всё-таки в своё село
Входил я,
Встречей окрылённый.

Страница вторая: Свадьба»

Девушка:

В 1949 году мы поженились, и он перебрался из «голубого» подвала ко мне в переулок Садовских в семиметровую комнатку при коммунальной квартире... Два поэта на семи метрах? Я поняла сразу, что моя участь как поэтессы решена... Писать стихи будет он, а я перейду на прозу. Тем более,

что Константин Георгиевич Паустовский согласился включить меня в свой семинар. Я даже как бы в выигрыше оказалась: побыть в семинаре такого тонкого мастера, как Паустовский, уже счастье. А поэзия? Что же, разве она не рядом со мною?

Я стала свидетелем рождения каждой новой строчки стихов Василия Федорова. И это продолжалось всю мою жизнь, точнее, тридцать семь лет...

Юноша:

Из главы «Смертная высь» поэмы Василия Фёдорова «Седьмое небо».

Есть много рек,
Но самой дивною
Была и будет,
Жив пока,
Та говорливая, разливная,
Благословенная река.
Она то узится,
То ширится
В прохладе леса и травья,
Моя кормилица, поилица
И нянька мудрая моя.

Налимовая,
Пескаревая,
Да сохранятся на века
Твои глубины окунёвые
И черемшовые луга.
Да не иссякнет вод течение,
Да будут дымкой голубой
Ходить туманы над тобой
И заревые
И вечерние.

Я бросил ветку в речку-реченьку
С моста, гремевшего над ней,
Чтоб ветку ту
Прибило к вечеру

Под окна матери моей.
Огни зажгутся в Яя-Борике,
Тогда она с поклоном дню

Сойдёт к реке
Помыть подошники
И тронуть весточку мою.

Застраждет
Грудь её уставшая...
О том, что минул я её,
Подскажет
Никогда не лгавшее
Ей материнское чутьё...

Из главы «Первая высота» поэмы Василия Фёдорова «Седьмое небо»

...Есть много рек,
Но самой близкою
Была и будет, жив пока,
Одна таёжная, сибирская,
Незнаменитая река.
Я рос у вод её разливчатых,
Нырря с каменной гряды,
Я на волнах качался зыбчатых,
Я на песках её рассыпчатых
Оставил резвые следы.

Страница третья: «Знакомство с семьей»

Девушка:

Муж тянул меня в Марьевку, но денег на поездку туда ещё не было. Зато нам дали творческую командировку на Алтай. Это уже было на четвёртом курсе. Конечно, сначала мы заехали в Новосибирск, где я познакомилась со своей свекровью Ульяной Наумовной, с сёстрами и братьями мужа. Они покорили меня своим радушием, а Новосибирск – красотой, рекою, мостом через неё.

Из рассказов мужа я знала, что после смерти отца семье приходилось туго. Помогали старшие братья, жившие один в Томске, другой в Красноярске – Андрей и Пётр, оба на больших партийных постах. Помогала старшая сестра Татьяна Дмитриевна – политотдельский работник в Анжерке. Это к ней с

каким-то поручением от матери поехал однажды будущий поэт на фёдоровской Рыжухе, попал в пургу и не замёрз только потому, что лошадь вывезла сани в деревню Судженку и остановилась, заржав, у чьих-то ворот...

Знала, что десятилетним он пас овец на лугу, пас до глубокой осени, когда уже начинали лететь белые мухи, и он коченел в своей лёгкой одежонке... С той поры у него всегда, даже в тепле, мёрзли руки и ноги...

Когда минуло ему пятнадцать, его, комсомольца, поставили помощником бригадира к Антону Максимовичу – человеку в Марьевке почтенному. И когда осенью подъехала к фёдоровским воротам телега, высоко нагруженная мешками с заработанной пшеницей, Ульяна Наумовна не сдержала радостных слёз... Это был первый заработок сына в колхозе. Стихи он тогда уже писал. Но – тайно. И умудрялся прятать их от матери (вдруг подумает, что не делом занимается!) – в закрома с золотой пшеницей...

Юноша:

Раннее стихотворение Василия Фёдорова (1944).

Учитель
Через много лет
Прочтёт вопрос
На детских лицах:
«Как обновлялся старый свет
В своих изломанных границах?

Чем наша Родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
А где тогда Сибирь была-
Всё там же,
За хребтом Урала?»

И, давней битвы
Рванный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет:
«В дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою».

Страница четвертая: «Первое посещение Марьевки».

Девушка:

Первую поездку в Марьевку я запомнила до мельчайших подробностей. И сколько бы раз мы ни приезжали потом – в памяти все-таки оставалась та, первая, Марьевка. На станцию Яя мы приехали рано-рано утром. Никто нас

не встречал. Середина июня. Поэт спешил к некошеным лугам, обещая мне море огоньков и незабудок. О речке Яя с её пескаринными перекатами, с её чистыми намывными пляжами из «евпаторийского» песка столько было говорено в Москве, что я уже эту речку несколько раз во сне видела. А от полевой клубники, мнилось мне, красны все косогоры.

Станция Яя – маленькая, как две капли воды похожа на все другие станции Великого Сибирского пути, если только они не узловые. Посёлок того же названия начинался не сразу, земли здесь не меряные. Улица, по которой мы шли в деревню Марьевка, была предлинной и сплошь из деревянных домов...

– Сколько же километров до твоей Марьевки? – спросила я в конце улицы.

– Да что-то около двенадцати. А может, и пятнадцать...

В Марьевку мы пришли часов в восемь. Улица была пустынна, только что прогнали на малые лужки коров, и над дорогой ещё не улеглась пыль...

– Где же дом твоего дяди?

– Это на задах, возле конного двора. Но мы сначала к озеру спустимся, я искупаюсь.

– Как – сразу, с чемоданами?

– Это мой ритуал. Я должен как бы очиститься от всей скверны, что накопил в себе за время моего отсутствия.

Озеро, естественно, под горою. Тут же сразу и луга начинаются. А та гора, что над озером возвышается, называлась Назаркиной... Могла ли я предвидеть, что почти через двадцать лет мы поставим на горе дом и пятнадцать лет – из года в год ни единожды не пропустив срока, будем приезжать сюда как хозяева Назаркиной горы?

Чтец (девушка) читает стихотворение Ларисы Фёдоровой «По дороге в Марьевку»

Город маленький. Станция Яя.

И с таким же названьем река.

Часто-часто сюда приезжали мы

Из далекого далека...

Вот и нынче душа твоя рядом,
Молодая – седины не в счет!
Городком небольшим – Яя – градом
К нашей Марьевке молча идёт.

Рощи белые в пояс поклонятся.
Ниже кланяйтесь, он вас любил,
Любовался красой до бессонницы –
Он поэтом восторженным был!

Выйдем на гору – ширь-то какая!
Неоглядные дали кругом,
Постоит он, Сибирь оклика
Затаенно и глухо, как гром...

Распахнутся все окна и двери,
Вся Сибирь отзовётся ему –
Небесами, горами и твердями –
Сыну верному своему!

Город маленький. Станция Яя,
Скоростные свистят поезда.
Приезжают сюда, уезжают...
Здравствуй, Марьевка-свет-сторона!

Девушка:

– Ну, как тебе Марьевка? – спросил Василий.

– Моё село, конечно, лучше. Фабричное село. И фабрика писчебумажная, что уже говорит о культуре.

– Культуру в родное село самим привносить надо, не надеясь на писчебумажные фабрики! – отпарировал он. – Как же ты не оценила место расположения Марьевки?

В тот наш приезд, совпавший с прекрасной погодой, обилием ягод, за которыми мы ходили в поля, с походами на речку – на золотые плесы, поэт написал три стихотворения: «Я обманул однажды коршуна...», «Я не люблю немые реки...» и «Забывшую дорогу».

После того, как он сводил меня за ягодами на бывший Федоровский покос, шевельнулся замысел стихотворения «Муза». Поэта сразу потянуло к столу,

к работе. Теперь он не расставался с записной книжкой, куда бы мы ни шли...

Юноша:

Отрывок из стихотворения Василия Фёдорова «Муза»

В деревне
Пустовали гумна.
Лицом смугла и тёмно-руса,
По зреющим полям бездумно
Бродила марьевская Муза.
Был зной.
Трава от зноя вяла.
Полями, тропами лесными
Брела и землянику мяла
Она подошвами босыми.

И останавливалась часто.
И снова шла...
В разгаре лета
Среди таких, как я, вихрастых
Искала своего поэта.

Быть может,
И прошла бы мимо,
Но рожь, стоявшую стеною,
Раздвинула, еще незрима,
И наклонилась надо мною.

С тоскою глядя, ворожила...
Меня в мое девятилетье
На чуткость испытать решила-
И, чуткий,
Я ее приметил.

Стояла
Скорбная такая!..
Вперед как будто поглядела
И, на тревоги обрекая,
Уже заранее жалела.

Страница пятая:

«Московская жизнь после окончания Литературного института»

Девушка:

Сначала мы жили в семиметровой комнате в переулке Садовских. Потом в том же переулке, но в соседнем доме – на тринадцати метрах. Дальнейшего расширения жилплощади не предвиделось. В те годы жилья в Москве строилось мало. Оставалось одно: податься за город, в деревню. Тут как бы сразу два зайца: жилье и непридуманные герои.

Такое жилье было найдено. За сто километров от Москвы, в деревне Заднее Поле. Прожили мы там семь лет. Но сто километров, да еще с поклажей – дело не легкое. Устали оба. И сколь ни жалко было посаженного нами сада, переехали к Москве поближе – на хутор Гаврилов. Место красивое, лесное. Но без реки...А у нас у обоих в глазах Марьевка, речка Яя, озеро Кайдор, марьевские луга с ярко-желтыми цветами под названием огоньки, с целыми полянами незабудок и полевых гвоздик...

За время наших переездов с квартиры на квартиру, а также во Владимирской области, в Подмоскowie Василием Дмитриевичем уже были написаны почти все поэмы. Все, за исключением главной – «Женитьбы Дон-Жуана». Эта ироническая поэма, названная так не по прихоти поэта, а по своему замыслу, требовала особого уединения. Тут не столько соблазны, сколько множество друзей-приятелей, а также и общественные обязанности поэта. Каждый писательский съезд он избирался секретарем правления Союза писателей РСФСР. Он был также членом редсоветов трех главных московских издательств – «Гослитиздата», «Современника» и «Советской России». Привлекли его к участию в присуждении премий имени А. М. Горького. Как секретарь правления он курировал поэзию, и ему время от времени поручали делать на съездах или в памятные юбилейные даты обстоятельные доклады как об общем состоянии советской поэзии, так и по отдельным поэтам-классикам.

Всё это часто отрывало его от письменного стола на хуторе Гаврилов, и Василий Дмитриевич всё чаще и чаще подумывал, куда ему можно было спрятаться не на недельку, а, скажем, сразу на месяца три. В летние месяцы общественная работа обычно затихала, особенно в правлении Союза писателей.

Страница шестая: «Дом на Назаркиной горе»

Девушка:

Марьевка входила в меня постепенно и прочно. Да и не могла я противиться всё возрастающему стремлению Василия как можно основательнее и дольше жить в Марьевке. Это было потребностью его души и натуры.

Тот приезд стал особенно памятен. Директором совхоза в ту пору был молодой решительный человек по фамилии Салехов. Повёз он нас на «архиерейскую» уху в пойму Яи, где луга особенно пышны. Сидящим около костра прочёл поэт свои стихи о марьевской музе, которая явилась ему, мальчишке, как предсказательница судьбы.

И Салехов говорит:

– Хороший вы поэт, Василий Дмитриевич, душевный. И чувствуется, любите родную землю. Давайте мы вам здесь дом поставим, живите себе на здоровье...

– Если за мой счёт, то я готов, – сказал поэт.

– Ну, а где вам этот дом ставить? – спрашивает директор. – Может, в Кильдимае, поближе к конторе, столовой...

– Нет, с Кильдимом вы уж сами разбирайтесь... Я там не жилец. А вот на Назаркиной горе поставьте...

– А где это?

– Да вон перед вами! Пустая гора. Там когда-то мой родственник Назар жил... А под горою Кайдор.

– Кто под горою? – опять спрашивает недоумевающий директор.

– Озеро Кайдор. Это я его так назвал. По-моему, красивее, чем «Кильдим»...

Было предложено вот сейчас и поехать туда и вбить первый колышек.

– Н-да, товарищ поэт, не промахнулся ты с выбором места на земле! – вырвалось у директора совхоза. – А мы тут, как слепые, мимо ездили, нам и в голову не пришло, какой божий дар тут пропадает...

– Здесь, говорят старики, перед революцией церковь замышлялась. Это мне мама рассказывала, – сказал Василий Дмитриевич. – Ну, а я безбожник, коммунист – пусть уж меня гора потерпит...

Директору мы перевели три тысячи рублей и стали ждать окончания строительства. Стройка длилась два года. Долго ли, коротко ли, как говорят в сказках, а всё же вырос дом на горе. И заблестал шиферной крышей. И шестью окнами – в круговую. Так что солнце в нашем доме гостило с утра до вечера.

Чтец (девушка):

Стихотворение Ларисы Фёдоровой «Гора»

Где мы только с тобой ни жили,
Где мы только ни вили гнезда,
И повсюду сады мы сажали,
Мы хотели деревьям добра...

А теперь на горе – горежители,
Тут и ветер, и зной, и мороз...
Снова сердце вложили в обитель мы,
И жилище у нас удалось...

Видно, озеро нас приманило-
Чёрный бархат вечерней воды,
В нем таится волшебная сила
При оранжевом восходе луны...

Наш Кайдор – миллионоволетний,
След когда-то плескавших морей,
Но и море, подвластное Лете,
Опускается в Царство Теней...

Так возвышенно мы рассуждали
На крылечке вечерней порой,
Величаво туманились дали
За Назаркиной нашей горой...

Ну а жизнь – она проще, и строже,
И насмешливей к нам, городским,
Нас не звали сюда – мы непрошеные,
На придуманный нами Олимп...

Вскоре, нас выживая отсюда,
Экскаватор, свой хобот клоня,
Черпать стал из горы –
Нет – не руды! –
Глину брать для печей и жилья!

Дом случайный – по праву бесправен,

Экскаватор и ветер правы...
Боже мой, как мотаются ставни,
От ударов стары и черны!

У берёз белоснежное горло
Пересохло... Не весел и вяз!
Мы хватали тяжёлые ведра,
Мы спасали их множество раз...

В свои слабые силы поверив,
Мы зачем поселились сюда?
И деревья, и годы потеряны,
Дышит зноем и ветром гора...

Перед собой не солгавший ни разу,
Весь в плену у Кайдоровых эр,
Пред его зарастающим глазом
Ты был слеп, как великий Гомер...

Вот и кончен с горой поединок,
Исполин исполина поверг —
Экскаваторы черпают глину,
Прав обычный земной человек.

Девушка:

Да, наша гора похорошела. Как необъезженный конь, поняв, что седок упорен и настойчив, Назаркина гора смирилась и утвердила за нами права хозяев.

Мы прожили на ней пятнадцать лет. Жили по три месяца в году, много это или мало? Много, если знать, что эти три месяца были до краёв наполнены работой поэта. Мало, если соотнести три месяца и остальные девять месяцев года, принадлежащие Москве. Но марьевский заряд, я это утверждаю с чистой совестью, давал работу мысли в остальные девять месяцев года. Дописывать начатое в Марьевке или только задуманное там — на просторах сибирских — он ездил в дом творчества, чаще всего в ближнее Переделкино или, сочетая отдых с работой, — в Гагру.

Страница седьмая: «Исполать тебе, Марьевка!»

Девушка:

За время жизни в Марьевке мы приобрели в Кузбассе очень много добрых и верных друзей. Поэты и писатели приезжали к нам иногда целыми автобусами из Кемерово. Секретари Яйского райкома партии, директора шахт из Анжерки, работники райисполкома, учителя Марьевской школы, библиотекари...

И особенно добрые наши покровители из Кемеровского обкома партии – все делали нашу жизнь на Назаркиной горе более или менее разнообразной, давали нам понять, что Назаркина гора – это не забытый ими островок и что мы тут, хотя и предаёмся творческому труду, всё-таки не отшельники!

Нас часто приглашали на учительские конференции, на выступления в Анжерку, в пионерлагеря и конечно же на выпускные вечера Марьевской десятилетки. И праздник борозды порой не обходился без нашего участия. Иногда к нашей горе подкатывали автобусы Кемеровского телевидения...

Да, жизнь в Марьевке – это светлое время нашего творческого труда, наблюдений и, я бы сказала, душевного единения с жизнью народа. Это мы знали, что нам надо работать, всматриваться в каждую судьбу. А марьевцы, видя наш простой образ жизни, скоро совсем забыли о том, что мы писатели. Вот этого мы и хотели!

Марьевцы – народ яркий, колоритный. Чем больше я вслушивалась в их речь, тем яснее мне становилось, что поэт Василий Фёдоров, имея задатки таланта, рос на благодатной почве. Щедрость природы и людей, обитающих на этой земле, сотворили большого поэта. Исполать тебе, Марьевка!

Чтец (юноша):

Стихотворение Василия Фёдорова о родном селе:

Когда ты
В Марьевке живёшь,
Обхаживая грядки,
Мне кажется,
Что мир хорош
И в мире
Всё в порядке.

Когда гора
Горит в заре,
А грудь рассветом дышит –
На той Назаркиной горе
Мы к правде
Чуть поближе.

Здесь тишина средь лопухов
И запаха капусты
Высоким криком петухов
Приправлена
Так вкусно.

Когда же
Солнце на закат,
Вдыхая аппетитно,
Пылит молочный комбинат –
Рогатый
И копытный.

И рад я,
Что тебя привёз
К земле первично-личной:
Первичных дел,
Первичных слёз
И радостей первичных.

Страница восьмая: «Ты – это всё, что имею...»

Чтец (девушка):

Стихотворение Ларисы Фёдоровой «Как долго я тебя люблю»

Как долго я тебя люблю,
Ни в чём тебе не присягая,
Пусть присягают королю,
Измены яд приберегая.

Любовь моя – сестра Свободы,
А будь бы узницей она,
Меня б хватило на полгода,
Душа легко б достала дна.

Мы друг для друга –
Как планеты
С локтями гор и тишью вод,
И часто крик:
«Любимый, где ты?!» –
Любви трагической исход.

Неразлучима я с тобою,
Хотя при собственной оси...
Тебе лишь знать,
Чего я стою
Средь всех любимых
На Руси!

Чтец (юноша):

Стихотворение Василия Фёдорова, посвящённое супруге: «ЗВЕЗДА»

Л.Ф.

Неравнодушная к приметам,
Ты помнишь ли ту ночь,
Когда
Средь звёзд,

Горевших ровным светом,
Явилась странная звезда?

Ты помнишь,
Как тебя пугало,
Что та звезда
Средь звёзд других
То совершенно потухала,
То загоралась ярче их?

Так и Любовь.
То вспыхнет тоже,
То вдруг погаснет, на беду...
Она у нас с тобой похожа
На ту капризную звезду.

Мне долго было неизвестно,
Как жизнь планетная течёт.
Однажды тайну тел небесных
Открыл мне старый звездочёт.

На голубые глядя точки,
Сказал он мне тогда:
– Сравни,

Все эти звёзды-одиночки,
Без перемен горят они...

А Ваша,
Что предстала взглядам
Печальным признаком беды,
Не одинока...
Это рядом
Бредут по небу
Две Звезды.

Учитель:

Это стихотворение во многом символическое. Это были поистине две Звезды, два творческих гения, которые помогали гореть друг другу.

Когда Василия Дмитриевича не стало, Лариса Фёдоровна долго приходила в себя от шока. Затем её жизнь отчасти изменилась: Лариса Фёдоровна торопилась завершить рукописи, месяцами не разгибаясь над записками и несистематизированными произведениями мужа. Убеждённая в необычайной силе и талантливости произведений Василия Фёдорова, вдова денно и нощно готовила рукописи к изданию.

Как вспоминает близкий друг семьи Фёдоровых Лада Одинцова, *«писательнице Фёдоровой Л.Ф. была характерна щедрость души: она не завидовала людям, она восхищалась и ценила их талант. Какой редкий дар!»*

Если центром внимания прежде был Василий Дмитриевич, то после его смерти она сосредоточилась на идее искусства, литературы, прежде бывшей второй после Василия Дмитриевича. Сперва для неё был Он: *«Ты это всё, что имею!»*

Подводя итог нашего урока, хочется вспомнить слова самого Василия Дмитриевича:

*А жизни суть,
Она проста:
Её уста,
Его уста...*

Счастье – жить по законам этой чудесной ясности и гениальной простоты.